

ИСТОРИЯ

*Валентина Ивановна СЕМЕНОВА —
докторант кафедры археологии
и исторического краеведения
Томского государственного университета*

УДК 903 (571. 12)

КОСМОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА XII — НАЧАЛА XVII ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-БАЛЫК)

АННОТАЦИЯ. Костюм отражает представления людей о мире. В культуре костюм выступает как вещь и знак. В статье дан анализ расположения костюмных комплексов украшений из погребений XII — начала XVII вв. (могильник Усть-Балык, Нефтеюганский р-он Тюменской области). Структура украшений изоморфна строению мира по вертикали и горизонтали. Поясные украшения составляют 80% и делят человека на верхнюю и нижнюю части по вертикали. Сравнение парных украшений по горизонтали отражает выделение правой (северной, западной) и левой (солнечной, восточной) частей.

Any costume being culturally both a thing and a sign reflects human perception of the world. The author analyses costume complexes of ornaments from the burials of the 12th c. and the beginning of 17th c. (grave ground Ust-Balyk, Nefteyugansky district of the Tyumen region) and arrives at the conclusion that structure of ornaments is isomorphic to a mental structure of the world in its vertical and horizontal parts.

В костюме человек воспроизводит себя с точки зрения своей культуры с учетом существующих представлений о мире и о себе. В культуре костюм выступает как вещь и как знак, неся целый ряд функций — этническую, практическую, эстетическую, эротическую, магическую, возрастную, обрядовую, профессиональную, сословную, религиозную и пр. [1]

Костюм изоморфен человеку по всем линиям его связей с окружающим миром и является ценным источником для получения самой разнообразной информации. Одежда — «это переходная ступень от «природы» к «культуре» [2]. В обско-угорском фольклоре богатырь-медведь снимает одежду и превращается в зверя (обрастает шерстью) [3].

В древности одежда была главной презентацией человека (это сохранилось в поговорках, например, «по одежке встречают...»). Сюжет «Барышни-крестьянки» выглядит сейчас даже надуманным. Тем не менее А. С. Пушкин отразил архетипическую ситуа-

цию переодевания и перевоплощения в другую личность. В эпосе все герои характеризуются через их личные неотъемлемые вещи (щит Ахилла, дубина и шкура Геракла и пр.). Обско-угорская, самодийская мифология не исключение. Богатыри часто имеют имена в соответствии с их вещами — Нет-Пос-Ху (Вильчатой Стрелы Человек), Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель Носящий Богатырь [4].

На одежду переходят все ограничения, касающиеся человека. Малицу, ягушку нельзя класть подолом к стене, так укладывают мертвого [5]. «Одежду нельзя бросать на землю, человек может остаться без души. Одежду нельзя бросать на землю и потому, что через нее может перешагнуть какое-нибудь нечистое животное или человек. Например, если через шаманскую вещь перепрыгнет лягушка (она - нечистое животное), это нанесет вред его духам», «если одежда ребенка упала в воду, он может утонуть» [6]. Мужчины боятся надеть малицу, на которую случайно наступила женщина, так как верят, что могут умереть [7]. В брошенной одежде всегда заводятся злые духи [8]. Одежда выполняет охранную функцию. Видеть себя во сне голым — к болезни, к плохому. Потерял одежду — пустым останешься [9].

Пространство вокруг человека моделируется его телом. Одежда членится на верхнюю, среднюю и нижнюю части по крою, цвету меха и пр. Через костюм происходит реинтеграция человека в космос, слияние с которым является фундаментальной потребностью человека [10].

Женская ненецкая верхняя зимняя одежда («лидиг пань», «таряв пань») не имеет вертикальных конструктивных швов, все основные швы являются горизонтальными. Шьют ее начиная с верхней части. Верх (до талии) сшивают из меха белки, бобра, лисицы, нижнюю часть (от талии) шьют из полос оленьего, а затем собачьего меха. Полосы меха разделяются вшитыми яркими лоскутами сукна, подчеркивая горизонтальное членение тела человека [11]. Звери красного цвета связаны с верхом, небом (белка, лиса). В хантыйской загадке «красной лисы куча шерсти» подразумевается восход солнца [12]. Лису приносили в жертву солнцу, олень ассоциировался со средним миром, собака — с нижним.

Стан женской хантыйской шубы шьется из белого меха, подол и передние планки или борта — исключительно из темного меха. Темным мехом оторачивали подол малицы [13]. Здесь прослеживается цветовой код, построенный на соответствии светлого — верхнему, темного — нижнему.

Шаманский костюм у нганасан имеет на спине деление на черную левую и красную правую половины или на красную заднюю, черную переднюю. Здесь отразилось перевернутое (по принципу «все наоборот») противопоставление черного, северного, западного, темного, нижнего, зимнего, холодного, неживого с красным, южным, восточным, светлым (солнечным), верхним, летним, теплым, живым [14].

В селькупском языке есть отдельные понятия, обозначающие половину человека, в зависимости от поперечного или продольного деления. Термин «кешь» — половина — употреблялся при поперечном сечении по линии пояса, разделяя верхнюю и нижнюю части человеческого тела. Другим термином — «чонты» — обозначались продольные левая и правая половины человека [15].

Материалы по космологии костюма могут быть расширены археологическими источниками, а именно — погребальными комплексами конца XII-XVII вв. могильника Усть-Балык (Нефтеюганский р-он Тюменской области, раскопки автора в 1983-1986 гг.). Информация по интересующей нас теме отражена в украшениях костюма (выборка составляет 76 костюмных комплексов).

Украшения часто упоминаются в обско-угорском фольклоре. На платье дочери духа «бренчали разные бусы и колокольчики, сверкали бисером вышитые узоры», у дочери Южной старухи «семь чернядей заплетены, семь морянок заплетены», у красавицы «по одной косе соболя бегают, по другой косе птички порхают» [16].

Украшения костюма имеют высокий семиотический статус. В Индии женщина, вышедшая на улицу без украшений, считается не одетой [17]. Украшения являются

культурными посредниками, трансформирующими биологического индивида в личность [18]. Д. А. Фахретдинова считает, что протооригиналом первоначальных форм украшений послужили детали одежды, которая не магически, а реально охраняла человека от болезней, холода и пр. [19].

Головные украшения как элемент костюма присутствуют в 29 усть-балыкских погребениях конца XII—начала XVII веков. (38%). Анализ состава украшений показал, что встречающиеся виды могли быть закреплены на повязке или шапочке, находиться в прическе (височные украшения и накосники), в ушах. В связи с этим выделены 4 группы: 1) украшения, связанные с головным убором (начельники, налобные повязки, шапочки, покрывала, платки); 2) накосники, крепившиеся непосредственно к волосам, вплетавшиеся в косы; 3) височные украшения; 4) ушные украшения.

Головные украшения первой группы отмечены в 14 погребениях (48%). Убор мог состоять из 2-4 подвесок, пронизей, закрепленных, по всей вероятности, на налобной повязке или представлять собой довольно сложный набор, находившийся на какой-то тканевой или меховой основе (покрывале, шапочке).

Налобные повязки являются древним и практически универсальным элементом костюма. Первоначально ленты из кожи или материи защищали открытую часть лба, позднее их стали украшать пластинами, накладками, подвесками и пр. По наблюдениям этнографов, налобные повязки использовались разными группами хантов в ритуальных ситуациях [20]. Налобные повязки предположительно отмечены в 6 погребениях (3 мужских и 3 детских). В мужском погребении 59 на повязке были закреплены 1 бубенчик и 1 подвеска-«крыжовник» справа, 1 бубенчик, видимо, в центре и 1 слева (рис. 1, 6-8). В мужском погребении 1906 на повязке были парные полые лапчатые подвески белого металла (рис. 1, 9). В другом мужском погребении (299) около черепа найдена 1 лунница. В двух детских погребениях (187, 264) к повязке крепились 2 лапчатые подвески (рис. 1, 1-2). В детских погребениях 317 и 307а у черепа находились соответственно 3 бронзовые шаровидные подвески и 2 птицевидные пронизи.

В части погребений реконструированы сложные головные уборы, в состав которых входили покрывала-платки. В двух мужских погребениях на черепах были найдены тонкие кольца из белого металла (пп. 116а, 190а). В погребении 190а два кольца были пришиты к фрагменту шелковой ткани с шашечным узором, под челюстью лежала лепестковидная подвеска (аналогичные подвески отмечены в комплекте с начельником из погребения 195) (рис. 5, 1, 5; рис. 6, 13). Все это позволяет предположить, что на головах погребенных мужчин были накинута платки-покрывала с нашитыми по краю над лицом мелкими украшениями для фиксации на голове.

Наличие покрывал можно предположить в двух детских погребениях (205 и 315; возможно, в п. 195). В состав головного убора из погребений 315 и 195 входят начельники, удерживавшие полотно, накинута на голову, и дополнительные украшения в виде накладок и подвесок (рис. 3, 1, 4, 5; рис. 6, 13, 14, 16). Оба начельника представляли собой металлические ленты шириной 2,5 см из серебра (п. 195) и бронзы (315), длиной соответственно 49,5 и 47 см. На затылке лента завязывалась шнурами, продетыми в отверстия.

Серебряный начельник (п. 195) был украшен спереди гравировкой и тремя лепестковидными подвесками. У черепа погребенного были найдены 4 крупные зооморфные пронизи, лежавшие по две слева и справа, а также цепочка белого металла из четырех звеньев (рис. 6, 13-14, 16). Под цепью отмечены фрагменты грубой шерстяной ткани и волосы.

Бронзовый начельник (п. 315) имел более сложное устройство. К нему спереди были прикреплены (клеем?) стеклянные накладки круглой и ромбической форм разных размеров, уменьшающиеся от центра к концам. Рядом с начельником были рассыпаны восьмиугольные тонкие пластинчатые подвески (21 шт.), в проволочных пе-

тельках которых остались следы ткани. К ткани, видимо, крепились две крупные круглые накладки с семилучевой рельефной розеткой и две лапчатые подвески местной отливки из некачественного металла, повторяющие болгарские подвески с зернью (рис. 1, 3, 4, 5).

Ткань (покрывала, платки) в составе головного убора традиционны для таежных охотников Западной Сибири. В частности, у хантов и манси платки (а в древности простой кусок ткани) широко распространены и являются древним и традиционным головным убором у мужчин, женщин и детей. Один из способов ношения — накидывание на голову без повязывания [21].

Обобщая данные, можно предположить, что в данном случае головной убор состоял из начельника, покрывала, утяжеленного в одном случае пронизьями, во втором — подвесками и накладками.

По аналогии можно реконструировать головной убор из детского погребения 205 (рис. 3, 7-9). Здесь не было начельника, но обилие бронзовых украшений у черепа указывает на их крепление к какой-то основе, тем более что следы ткани сохранились. На покрывале надо лбом располагались 4 подвески-«лунницы», а слева и справа — связанные по две птицевидные пронизи, в отверстиях которых сохранились шнуры. В погребении взрослого (п. 234) покрывало удерживалось с помощью 4 крупных круглых накладок с семилепестковыми розетками (4, 5). В женском погребении 227 у черепа были найдены две лапчатые подвески и 4 зооморфные пронизи. Возможно, они крепились к шапочке с двух сторон симметрично.

Сложный женский головной убор подобного типа описан В. Ф. Зуевым. «Бабы ... долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назад связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку, у коей концы назад долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и пр., сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем, которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит» [22]. Накосные украшения найдены в 9 погребениях (31%). Женщины вплетали в косы шнуры с подвесками в виде рыбок (п. 179), по паре лапчатых подвесок (п. 260а). В трех погребениях взрослых в качестве накосных украшений могли использоваться шумящие подвески (п. 249), зооморфные пронизи (п. 200), птицевидные пронизи (по паре, п. 210). Описания накосных украшений в обско-угорском фольклоре приводились выше.

Более сложные накосники составлялись из нескольких типов украшений. В женском погребении 243а в комплект с шумящими подвесками входили Ф-видные пронизи (рис. 2, 9-11). В детском погребении 264 зооморфные пронизи сочетались с бронзовыми бусинами. В детском погребении 187 на концах кос были найдены колоколовидные подвески, на правой косе — желудевидная подвеска (рис. 1, 3, 4).

Сложный накосник реконструирован в детском погребении 205 (рис. 3, 10-12, 14). Он состоял из 7 бус (6 синих и 1 песочного цвета), трубчатой пронизи и двух подвесок-«крыжовник». Пять синих бусин были скреплены в виде розетки.

Височные украшения найдены в 8 погребениях (27,6%). Они представлены витыми кольцами (п. 130 (рис. 6, 5), п. 285), гладкими (п. 233). В женском погребении 227 найдены 2 пары височных колец - пара витых и пара трехбусинных (рис. 2, 4, 5). Многобусинные височные кольца отмечены во взрослом погребении 234 (рис. 4, 7) и двух детских (пп. 205, 315, рис. 3, 3, 6). Во взрослом погребении 284 найдены фрагменты привозных височных украшений типа рясен — подвесок состоящих из цепочек с бубенчиками и лунницами, характерных для женского убора домонгольской Руси [23]. Височные украшения могли крепиться как к головному убору, так и вплетаться в волосы у висков.

Последняя категория головных украшений — ушные. Они представлены в 10 погребениях (34%) серьгами-кольцами и «знак вопроса». Их носили по 2, но встречается и по 1 (п. 195 (рис. 6, 15), пп. 236, 314). Три серьги найдено в мужском погребении 130

(две было в правом ухе, рис. 6, 1-3). В детском погребении 205 — по паре с каждой стороны, в детском погребении 315 — 4 пары (рис. 3, 2, 13). Серьги находились не только в ушах, но и использовались как подвески в составе сложных головных уборов. В п. 271 пара серег была просто положена у черепа. Серьги, как показал анализ, чаще всего встречаются в женских и детских погребениях. В детских они могли крепиться к головной повязке или другой основе (такое их использование, несомненно, объясняется той охранной силой, которую они имели как обереги). Происхождение серег «знак вопроса» изначально связано с представлениями о женском плодородии. Бусина символизировала плод [24].

Все рассмотренные категории головных украшений сочетались. Для женщин наиболее типичными головными украшениями являются серьги «знак вопроса» и накосники, нехарактерно ношение височных колец. Они отмечены только в одном случае в составе сложного головного убора (п. 227). Для мужчин характерно ношение налобных повязок с закрепленными на них подвесками или височных украшений, а также серег в сочетании с вышеназванными категориями. Мужчины носили простые серьги-кольца. Детский головной убор повторяет структуру головных уборов взрослых. Выделяются два погребения, отличающиеся сочетаниями 4-5 категорий (пп. 205, 315).

Шейно-нагрудные украшения найдены в 3 погребениях (4%) и выделены по местонахождению. Две ложчатые подвески найдены в женском погребении 236 (рис. 4, 9) и мужском погребении 117. Предположительно шейное украшение было найдено в погребении двухгодовалого младенца 301. Оно состояло из серьги «знак вопроса» и короткой цепочки.

Наручные украшения представлены перстнями в 6 погребениях (8%). Они могли быть как надеты на пальцы, так и положены возле костяка. На пальцах правой руки найдены кольца в двух погребениях — в мужском погребении 269 перстень-печатка, в погребении взрослого — след кольца неустановленной формы. В мужском погребении 130 по кольцу из несомкнутых пластин было на левой и правой руках (рис. 6, 5). Пять перстней происходят из взрослого (?) погребения 195 (рис. 6, 19, 20). На правой руке 3 перстня со вставками и на мизинце — литой бронзовый. На левой руке — 1 перстень со вставкой. В погребениях конца XVI — начала XVII вв. кольца находились не на пальцах, а были положены рядом с костяком. В женском погребении 271 перстень-печатка лежал у головы, в женском погребении 296в — у правого локтя.

Поясные украшения представлены в 60 погребениях (80%). Выделены две группы, свидетельствующие о наличии 1) ременного пояса (18%); 2) женского нижнего пояса (5%); 3) набедренников (87%).

Наличие ремней документируется в первую очередь поясными пряжками и накладками. Сохранились фрагменты кожаного ремня, ширина которых составляет 2-2,5 см (п. 302). От женских нижних поясов сохранились характерные ажурные оловянистые пряжки. Набедренники, скорее всего, крепились к тканым поясам. Фрагмент такого пояса сохранился в погребении 195.

Пряжки и накладки от ремней найдены в основном в мужских погребениях (в женских погребениях обнаружено по одной накладке). Пряжки представлены железными (пп. 5, 214) и бронзовой (п. 298), накладки — прямоугольными с гравированным орнаментом (п. 302) и крестовидными (пп. 206, 190а (рис. 5, 4), 282). В мужском погребении 302 фрагменты ремня с накладками были разбросаны по всему погребению, возможно, он был намеренно разорван.

Ажурные пряжки из белого металла находились, скорее всего, на поясах-повязках (вэрып), ношение которых отмечено женщинами-хантыйками повсеместно [25]. Пояс носился прямо на теле, крепился на талии. К пояснице крепилась полоса из бересты, кожи или стеганой ткани, на другом конце которой была закреплена пряжка с язычком, цеплявшимся за пояс спереди.

Наибольший удельный вес среди поясных украшений составляют набедренные подвески и пронизи, крепящиеся к поясу. Набедренные украшения составляют 87% (52 погребения). Использование пронизей составило 58% (35 погребений), подвесок 50% (27 погребений). Пронизи в основном представлены зооморфными (36,6%, 22 погребения) и птицевидными (18%, 11 погребений), подвески - лапчатыми (30%, 27 погребений).

Пронизи использовались наборами. Во взрослом (?) погребении 195 две пронизи располагались по одной по бокам, две в центре (возможно, крепились к концам пояса), четыре у ножа (парами) (рис. 6, 17, 18). В мужском погребении 130 было найдено 4 зооморфных пронизи из белого металла, представляющие собой изображения медведя (рис. 6, 11, 12). Пронизи лежали слева от костяка по одной на уровне черепа, костей таза, ног и ступней. Возможно, они были подвешены к поясу, который был разорван и расстелен слева от костяка.

В двух погребениях встречены Ф-видные пронизи (п. 234, взрослое (рис. 4, 3, 4); п. 260б, детское) и в двух же оригинальные цилиндрические железные пронизи (п. 297, взрослое; п. 187, детское (рис. 1, 5)).

Лапчатые подвески носили по одной с каждой стороны (женские пп. 260а, 324, детские пп. 211, 228, 264, 268), по две с каждой стороны (мужское п. 279). В детском погребении 264 еще две лапчатые подвески были подвешены к ножу справа, закрепленному, возможно, на крючке. Одна лапчатая подвеска у ножа найдена в детском погребении 187 (рис. 1).

Другие виды поясных подвесок представлены шумящими (п. 171, детское), подвесками-лунницами (п. 320в, детское), розетковидной (п. 236, женское), бубенчиками (п. 59, мужское, рис. 1). Подвески могли располагаться симметрично по одной с двух сторон, а также асимметрично. В частности, со стороны крепления ножа их часто бывает по две, тогда как с противоположной стороны одна. Розетковидная подвеска найдена на бедренных костях в центре, возможно, была подвешена к концам пояса (рис. 5, 10).

Пояс считался свидетельством присутствия силы, «счастье дающий пояс», обязательно снабженный оберегами-амулетами, ножами и всем, что необходимо [26].

Пояса характерны как для мужских, так и женских погребений. Общепринято, что поясные наборы складываются под влиянием степных народов. Отмечена тенденция, что, проникая на периферию, пояса становились заметным элементом женского костюма. (Ковалевская В. Б. 2001. С. 188). Старуха, опоясанная мужским поясом, борется с медведем и обращается к Торуму: «Преврати меня в мужчину, / Опоясанного двумя ремнями. / Хочу наказать я могучего зверя, / Который попусту разгуливает по лесу. / Разрывает она / Свой шелковый платок с длинными кистями / И подпоясывается его лентами, / Как мужчина ремнями» [27].

Застежки найдены в 9 погребениях (12%). Они представлены пуговицами и петлями. В качестве пуговиц использовались бубенчики, шаровидные, лимоновидные подвески, подвески-«крыжовник», бусы-«флакончики». Петли изготавливались из тонкой проволоки из бронзы (п. 243а) или из белого металла (п. 179). В мужском погребении 59 бубенчики крепились к одежде при помощи кожаных петель, с проволочной обмоткой из бронзовой тонкой проволоки (рис. 1, 8). В погребениях застежки располагались по центру костяка, что указывает на наличие распашной одежды с разрезом по центру.

Число застежек редко составляло 1-3, чаще достигало 5-7 и более. В женском погребении одна подвеска-пуговица была найдена вместе с другими вещами у черепа погребенной и ее нахождение на одежде сомнительно (п. 271). Два бубенчика было найдено в детском погребении 278. Три застежки (две лимоновидные и одна буса-«флакончик») отмечено в погребении взрослого (п. 234, рис. 4, 6)). В женском

погребении 243а четырнадцать подвесок-«крыжовник» располагались вдоль по центру костяка попарно, образуя 7 рядов. В комплект еще входила восьмая петля, согнутая из бронзовой проволоки. В женском погребении 311 вдоль костяка по центру также находилось 7 пуговиц (2 шаровидные и 5 лимоновидных). В мужском погребении 59 — 8 застежек (5 бубенчиков с гремочками и 3 петли, рис. 1, 7, 8), в мужском погребении 233 — 7 застежек (3 шаровидные и 4 подвески-«крыжовник»). В детском погребении 314 восемь застежек располагались попарно в 4 ряда. В женском погребении 179 под нижней челюстью найдена 1 петля из белого металла. В остальных погребениях могли быть использованы завязки.

Украшения по полам и подолу реконструируются в двух погребениях (126, 130) и составляют 2, 6%. В мужском погребении 130 по центру костяка расчищена композиция, составленная из пронизей и бус (описание дано ниже, рис. 6). В погребении взрослого (п. 126б) на уровне гениталий были расчищены 4 крестовидные накладки, лежащие в ряд поперек костяка. Скорее всего они были нашиты на подоле меховой нераспашной одежды.

В структуре костюма доминируют головные (38%) и поясные (80%) украшения. Как было показано выше, самыми сложными и разнообразными были наборы головных украшений. Отсюда правомерно говорить о разделении человеческого тела поясом на верхнюю и нижнюю половины. При сравнении парных украшений прослеживается асимметрия (например, разное количество перстней на руках, подвесок у пояса справа и слева и пр.).

Смысловые соотношения между верхним/нижним, правым/левым могут быть рассмотрены через семантику серийных украшений, а именно — зооморфных, птицевидных пронизей и лапчатых подвесок, встречающихся как в головных, так и поясных наборах. Прослеживаются две пары скрещивающихся оппозиций: зверь-птица, пронизь-подвеска (общий член — птицевидная пронизь). По всей вероятности, за соотношениями расположения и сочетания серийных украшений на костюме могут быть скрыты определенные смыслы, отражающие природные и социальные связи человека.

Зооморфные пронизи употребляются в поясных и головных наборах в 24 погребениях (указано количество костяков, а не могил). В качестве головных украшений найдены в 4 погребениях (1 женском, 1 детском, 2 взрослых). В двух случаях пронизи симметрично крепились к головному убору (п. 195 (рис. 6, 16), п. 227) или вплетались в косы (пп. 200, 264).

В составе поясных украшений зооморфные пронизи встречены в 22 захоронениях (5 женских, 9 мужских, 5 детских и 3 взрослых) и более характерны для мужских погребений (9), в меньшей степени женских и детских (по 5). Как правило, 1-4 пронизи располагались по обе стороны бедер. В 12 захоронениях 1-2 пронизи находились у ножа у острия или у рукояти, в 1 захоронении найдены 4 пронизи (2 у рукояти и 2 у острия).

Таким образом, зооморфные пронизи употребляются в костюме на трех уровнях — головы, бедер и бедер-голеней рядом с ножами. Прослежена разница между видами пронизей в зависимости от уровня размещения. Как правило, у ножа лежали колоколовидные пронизи меньших размеров, у черепа и бедер — крупные и средние пронизи со стилизованным изображением зверя. Это хорошо видно по погребению 195 (рис. 6, 17, 18). Четыре крупные зооморфные пронизи по две находились у черепа, четыре средние зооморфные у бедер — по 2 по бокам и 2 меж бедер (на концах пояса?), четыре мелкие лежали у ножа справа (2 у рукояти и 2 у острия).

Право-левостороннее размещение пронизей характеризуется асимметрией по количественному показателю и орнаменту. На уровне наголовных украшений в детском погребении 264 левый наконечник состоял из двух пронизей, правой из одной. На уровне бедер асимметрия определяется наличием пронизей у ножа, как правило, расположенного чаще справа и реже слева.

Асимметрия по орнаменту отмечена в 3 погребениях (пп. 1376, 282, 322). Для правых пронизей характерен орнамент в виде зигзагов, короткого «рубчика». В погребении 284 (взрослый) найдена пронизь (первоначальное местоположение нарушено) с асимметричным орнаментом. На правой стороне отлит зигзагообразный орнамент, на левом — продольно-полосатый.

Продольная ось подчеркнута в ряде погребений (пп. 1166, 195) парными пронизями, возможно, закрепленных на концах пояса (?). Особенно это отражено в погребении 195, где 4 пронизи разбиты парами — 2 меньшие по размерам в центре и следующая пара по бокам от бедер (рис. 6, 17, 18).

Схема расположения пронизей на уровне головных украшений практически симметрична расположению их на уровне бедер при наложении сверху вниз. Вертикальная асимметрия выражена в присутствии дополнительных пронизей меньших по размеру у ножа. В количестве пронизей и орнаменту прослежена лево-правосторонняя асимметрия. С правой стороны пронизей больше, чем с левой. При асимметрии в орнаменте с правой стороны пронизи с узорами в виде зигзага, с левой — «жемчужин».

Зигзаг имеет смысл защиты, границы [28]. Зооморфные пронизи, которые атрибутируются как стилизованные медведи, также маркируют границу. Медведи, по обско-угорским воззрениям, занимают пограничные пространства мира, а именно границу между верхним и нижним миром [29]. Это пространство на теле человека охватывает его от головы до голеней (до острия ножа, направленного острием вниз, а лезвием наружу). В этой связи мы можем рассматривать правую сторону как более защищенную.

Птицевидные пронизи входят в состав поясных и головных наборов в 14 захоронениях (указано количество костяков).

В качестве головных украшений птицевидные пронизи найдены в 3 погребениях (2 детских и 1 взрослом). В двух случаях пронизи симметрично крепились к головному убору (п. 205 (рис. 3, 9), п. 307а) и в одном являлись принадлежностью накольников (п. 210).

В 11 случаях птицевидные пронизи входят в состав поясных наборов мужских (4), женских (4), детских (3) погребений. В 3 погребениях парные пронизи найдены у острия ножей (но не ниже бедер), в одном случае 2 непарные пронизи находятся одна у острия, вторая — у рукояти (п. 175а).

Асимметрия прослежена только по количеству пронизей справа или слева и связана в основном с ношением с той или другой стороны ножей. Интересно, что птицевидные пронизи у ножей в основном связаны с мужскими погребениями. Продольная ось подчеркнута в ряде погребений (пп. 213, 175а, 179) симметричными парными пронизями, возможно, закрепленными на концах пояса (?). Птицевидных пронизей нет ниже колен (конец совпадает с острием ножей). Сфера охранной зоны птицы выше, чем сфера медведя (вода).

Лапчатые подвески встречены в 21 погребении (указано количество костяков). Они входят в состав поясных и головных наборов. В поясных наборах встречены в 18 погребениях. В поясных наборах лапчатые подвески характерны для мужских (5), женских (4), детских (9) погребений. В том числе в 2 детских погребениях парные подвески найдены у острия ножей (на уровне голеней).

В качестве головных встречены в 6 погребениях (2 женских, 1 мужском, 3 детских). В мужском захоронении 1906 лапчатые подвески оригинальной формы (рис. 1, 9). Они представляют собой полые объемные подвески из тонкого металла белого цвета на цепочках импортного происхождения. Женщины носили их как наколики (по две пронизи в каждой косе, п. 260а), в составе сложного головного убора (п. 227). В детских погребениях подвески, видимо, могли крепиться на налобной повязке (п. 187 (рис. 1, 1, 2), п. 264) и на покрывале (п. 315).

Асимметрия прослежена по количеству пронизей как справа, так и слева в равных количествах. Она связана или с расположением ножа (пп. 264, 278) или с нечетным количеством подвесок у пояса (пп. 190а, 187, рис. 5, 3, 6; 1, 5). В погребении 190а три подвески располагаются справа, две — слева и еще две расположены по центру.

Асимметрия в орнаментации отмечена в двух погребениях (пп. 187 (рис. 1, 1, 2, п. 260а). Правые подвески орнаментированы коротким «рубчиком», левые — мелкими «жемчужинками». Та же тенденция прослежена в поясных подвесках (пп. 126а, 190а (рис. 5, 3, 6)). В орнаменте правых есть короткий «рубчик» и зигзаги, в левых — «жемчужины».

Продольная ось также подчеркивается парными подвесками в центре пояса (пп. 299, 322, 126а, 190а).

Расположение лапчатых подвесок по уровням соответствует уровням птицевидных пронизей. Видимо, семантика лапчатых подвесок и птицевидных пронизей одинакова. Таким образом, оппозиция зверь-птица является реальной. Зооморфные связаны с мужчинами и пожилыми женщинами, птицевидные — с женщинами, детьми. Только у детей птицевидные пронизи встречены у голеней.

Таким образом, в расположении серийных украшений фиксируется соблюдение трех зон — верхней (голова, туловище), средней (бедра), нижней (ноги). Также прослеживаются особенности в характеристике правых и левых украшений (выраженная симметрия, асимметрия), подчеркивание продольной оси. Особое внимание привлекает асимметрия костюмных украшений, которая выражается в количественных параметрах и орнаменте. Эти тенденции прослежены и на других категориях украшений, представленных не такими большими сериями.

Асимметрия прослежена в ряде других украшений (по орнаменту или по количеству). В детском погребении 205 к покрывалу (?) попарно были пришиты 4 «лунницы» (рис. 3, 7, 8). Справа они были одинаковыми (гладкими с «жемчужинами» на окончаниях), слева — одна подвеска того же типа и вторая с орнаментом из насечек и мелких «жемчужин». Если симметрию истолковать как нулевой признак, синонимию, то использование двух непохожих подвесок может быть воспринято как удвоение, двойная сила защиты с правой опасной стороны. В погребении 187 на правой косе была дополнительная подвеска (рис. 1, 3), в погребении 243 две Ф-видные находились по одной с каждой стороны, но они были разными по форме. В правой косе — с двумя вздутиями, в левой трубчатая (рис. 2, 9, 10).

Из шести погребений с серьгами в трех встречено по одной серьге. В погребении 236 серьга была в правом ухе, в 195 — в левом (рис. 6, 15) (в одном положении не установлено). В мужском погребении 130 две серьги (серебряные гладкая и витая) — в правом ухе, бронзовая гладкая — в левом (рис. 6, 1-3). Асимметрия прослежена в размещении перстней и колец на пальцах (см. выше).

Сложное украшение по центру костюма реконструировано в мужском погребении 130 (рис. 6). Благодаря сохранившимся пластинчатым перстням на обеих руках, реконструированная композиция была привязана к телу. Примерно на уровне грудины лежали две цилиндрические пронизи, книзу от них по центру еще одна такая же пронизь (рис. 6, 7). Ниже, примерно на уровне пояса находились 2 птицевидные пронизи, далее повторялась композиция из трех железных пронизей в обратном отражении (рис. 6, 4). Ниже шли — бусина, две птицевидные пронизи, цилиндрическая пронизь, птицевидная пронизь, цилиндрическая пронизь, бусина, цилиндрическая пронизь. Заканчивалась композиция 4 железными пронизями (2 по горизонтали, 2 по вертикали) и бусиной.

Композиция носит космогонический характер. Единственный изобразительный элемент в наборе украшений — 5 птицевидных пронизей. Две из них находятся в верхней части (вверх от пояса) и три в нижней части (вниз от пояса). Две пары про-

зей с сопровождающими их тремя железными пронизями относительно пояса расположены симметрично, подчеркивая этим середину. Первая пара направлена «головами» вниз, вторая пара — наоборот вверх. Последняя пронизь направлена «головой» вниз. Обращает на себя внимание и нахождение в нижней части трех бусин сверху вниз — глазчатая, затем 2 черные (рис. 6, 8-10). Композиция украшений маркирует верх, середину (центр), низ.

Рассмотренные костюмные комплексы XII — начала XVII вв. подтверждают мысль о том, что человек организовывал свое тело по меркам Космоса. «Космический человек» древности программировал свою культуру, многократно повторяя в разных вариантах основную модель.

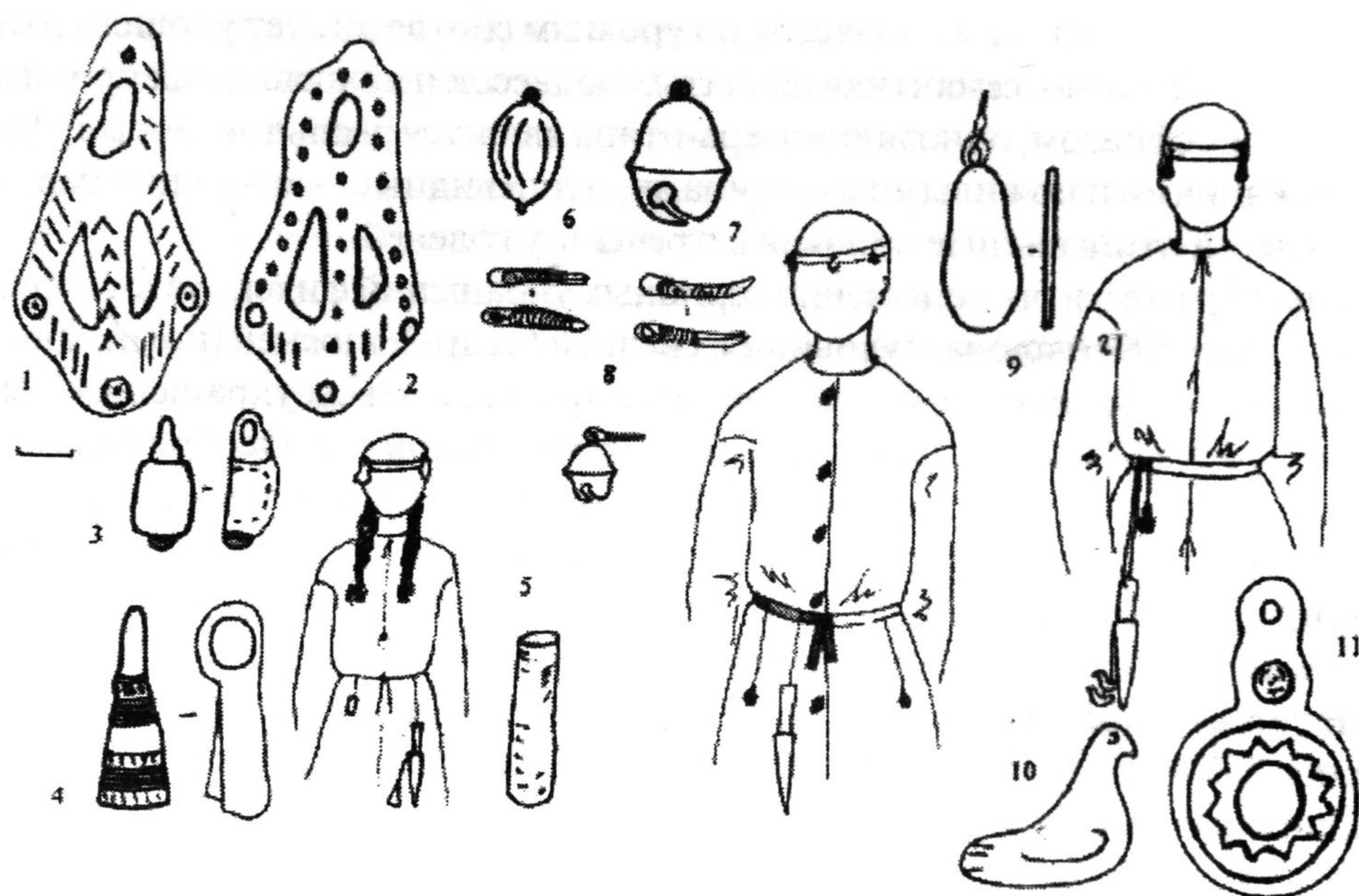

Рис. 1. Костюмные комплексы погребений 187 (1-5), 59 (6-8), 1906 (9-11), (1-4, 6, 7, 9, 11 — подвески; 5, 10 — пронизы, 8 — шнуры; 5 — железо, 8 — кожа, остальное — бронза).

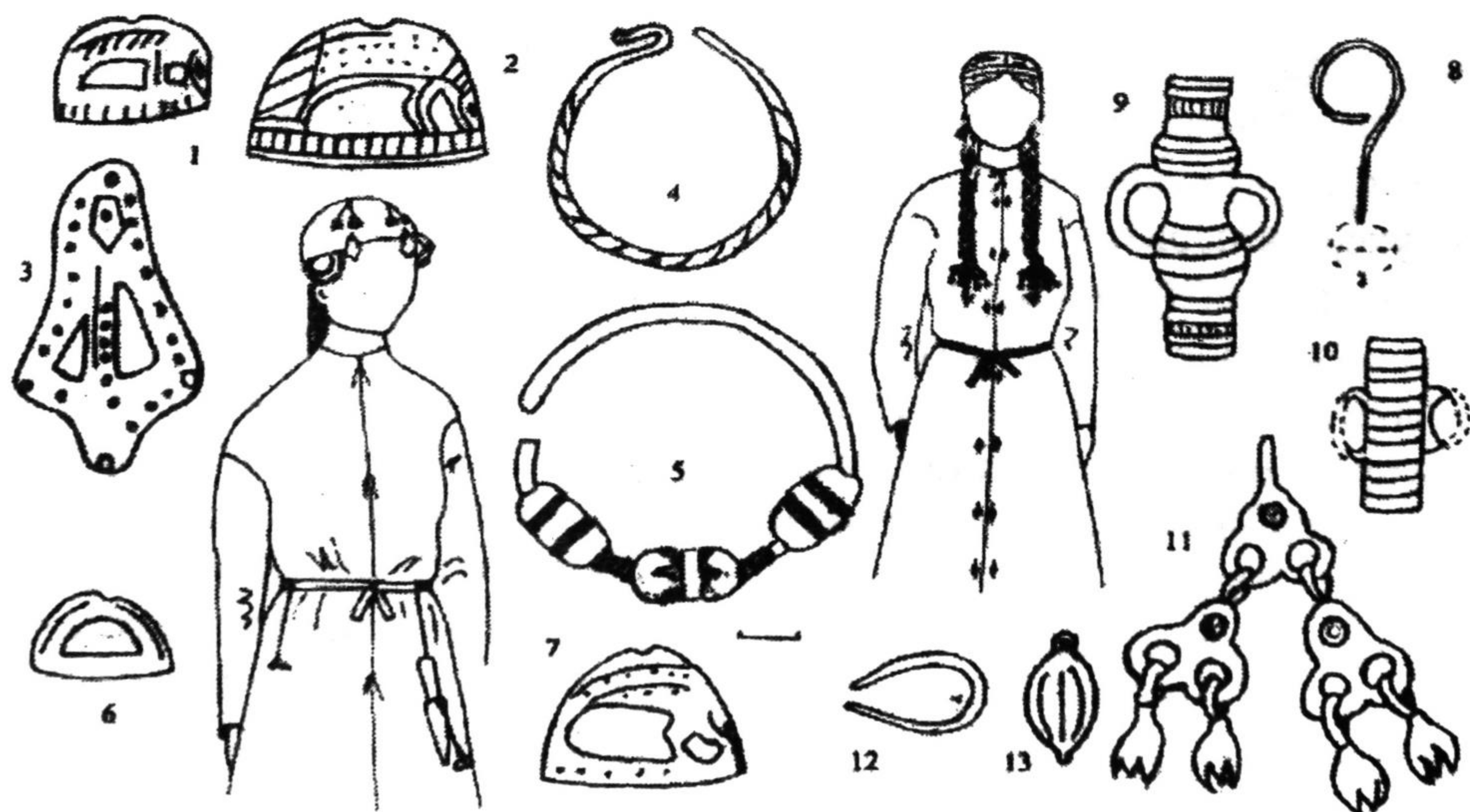

Рис. 2. Костюмные комплексы погребений 227 (1-7), 243 (8-13), (1, 2, 6, 7, 9, 10 — пронизы; 3, 11, 13 — подвески; 4, 5 — височные кольца; 8 — серьга, 12 — петля; все — бронза).

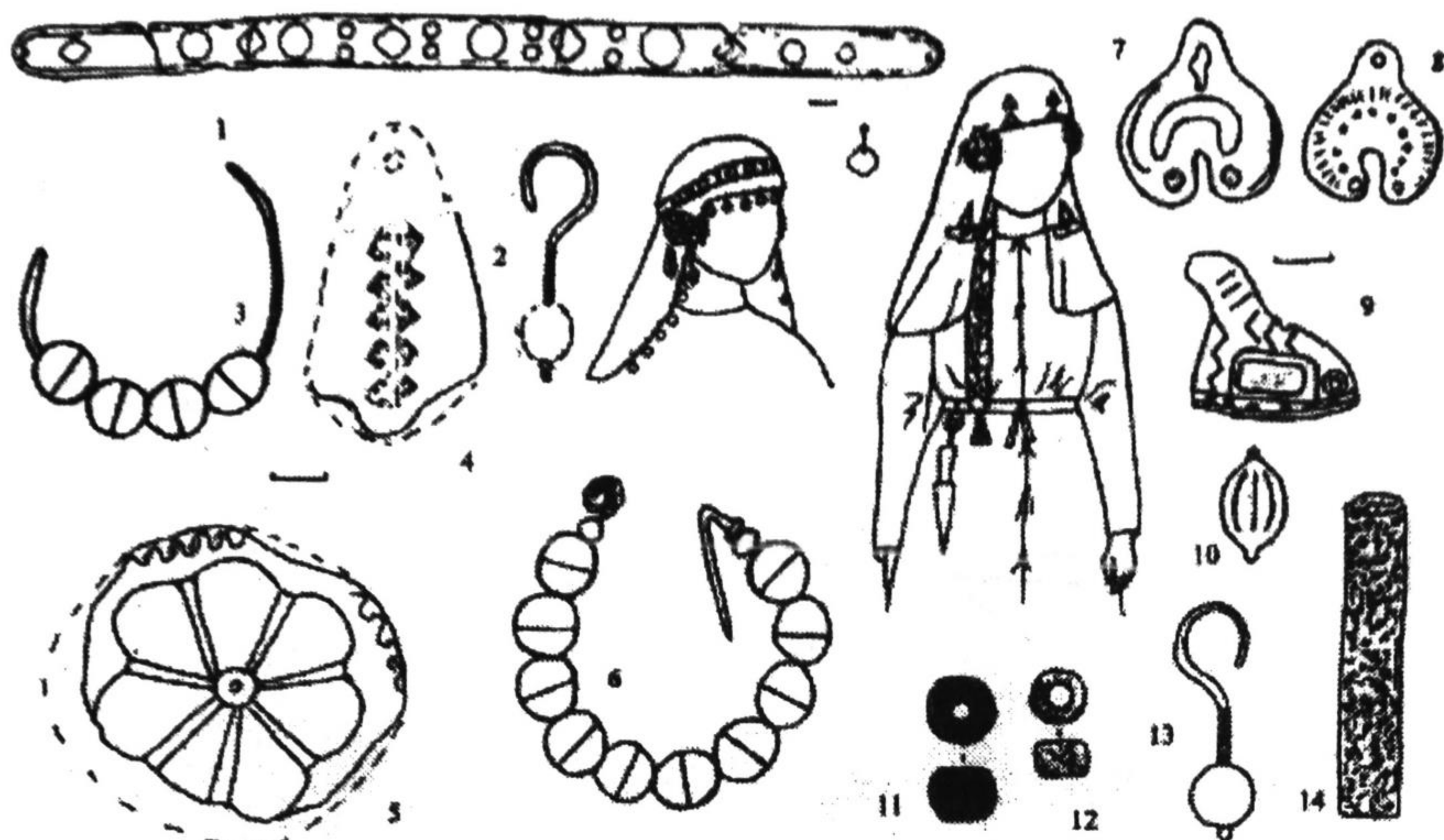

Рис. 3. Костюмные комплексы погребений 315 (1-6), 205 (7-14) (1 — начельник, 2, 13 — серьги, 3, 6 — височные кольца, 4, 7, 8, 10 — подвески; 5 — накладка; 9, 14 — пронизи; 11, 12 — бусы; 11, 12 — стекло, 14 — железо, остальное — бронза).

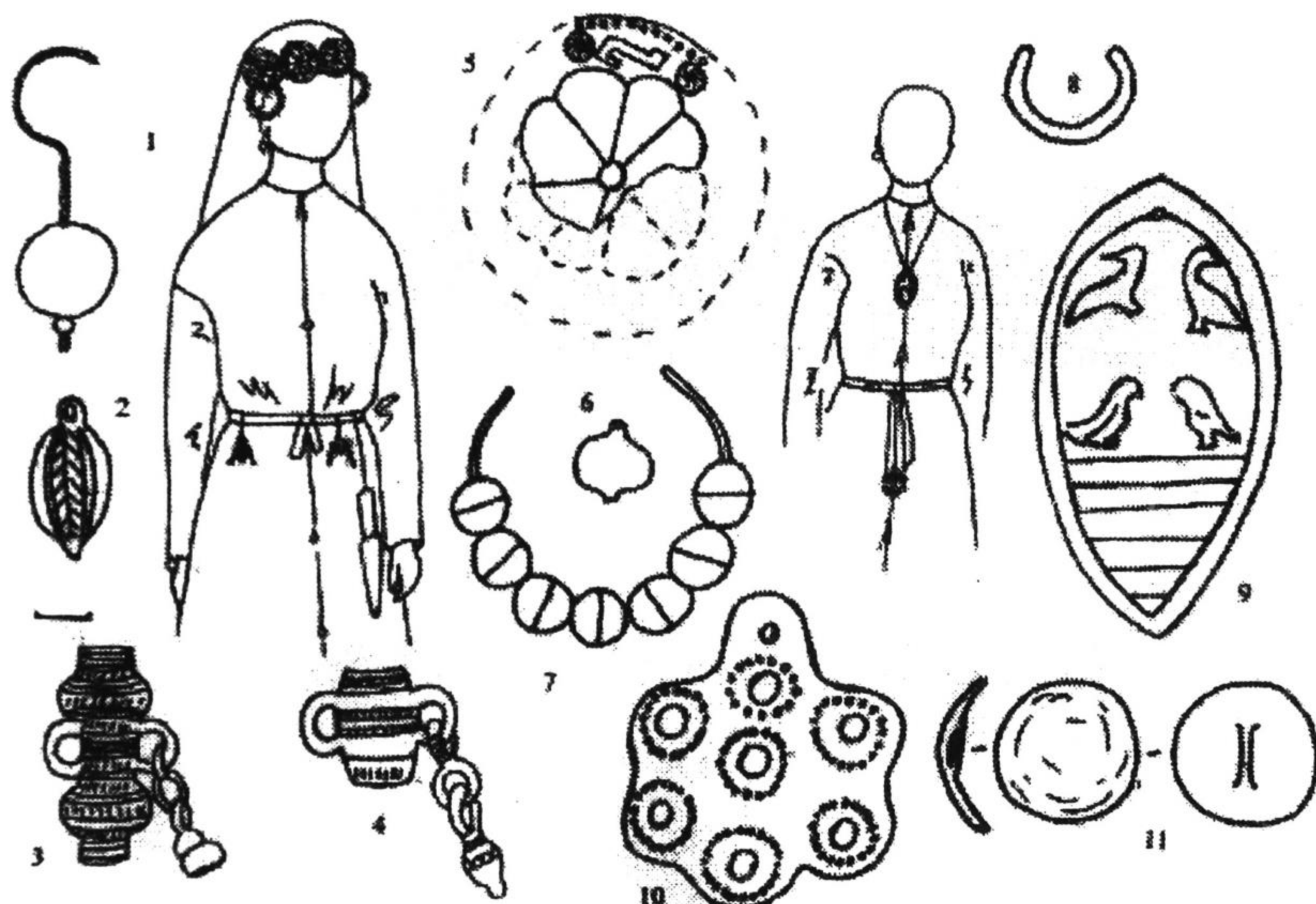

Рис. 4. Костюмные комплексы погребений 234 (1-7), 236 (8-11), (1, 8 — серьги, 2, 9, 10 — подвески, 3, 4 — пронизи, 5, 11 — накладки, 6 — буса-«флакончик», 7 — височное кольцо; все — бронза).

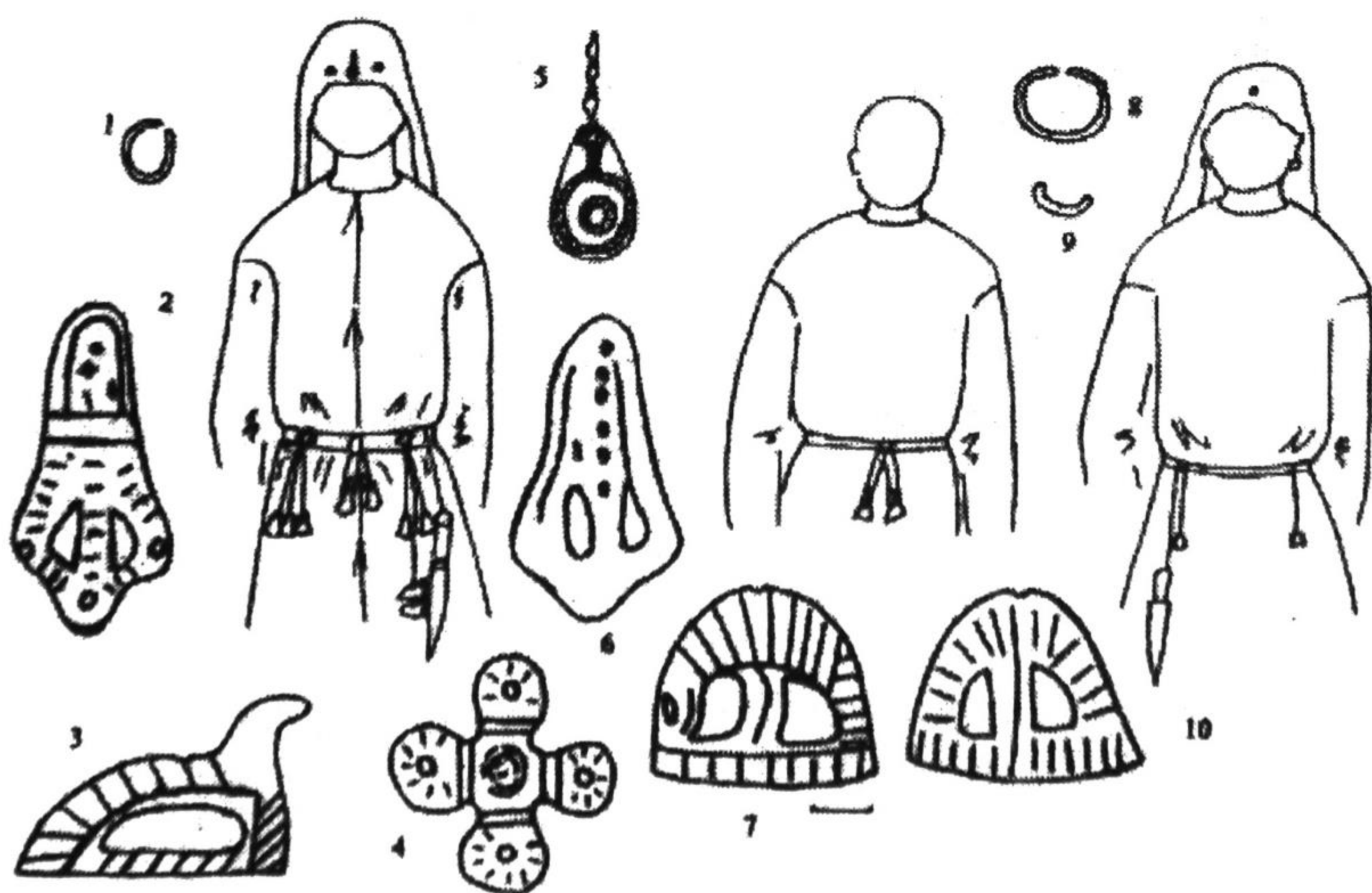

Рис. 5. Костюмные комплексы погребений 190а (1-6), 116б (7), 116 а (8-10), (1, 9 — колечки, 2, 5, 6 — подвески, 3, 7, 10 — пронизи, 4 - накладка, 8 — серьга; все — бронза).

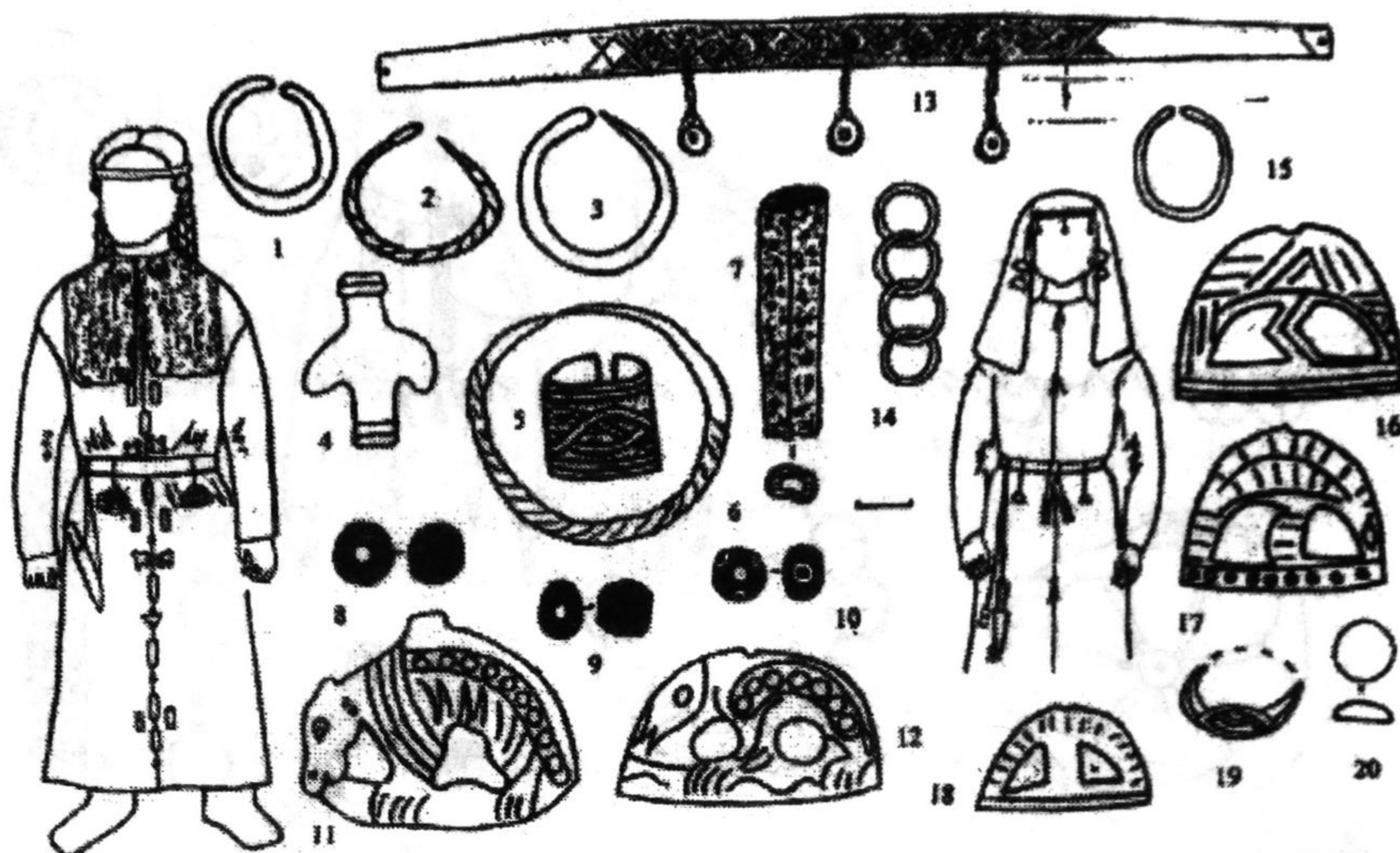

Рис. 6. Костюмные комплексы погребений 130 (1-12), 195 (13-20), (1-3, 15 — серьги, 4, 7, 11, 12, 16-18 — пронизи, 5 — кольцо, 6 — височное кольцо, 8-10 — бусы, 13 — начельник, 14 — цепь, 19 — перстень, 20 — вставка для кольца; 7 — железо, 8-10, 20 — стекло).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 340-341.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 236.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 80.
4. Там же. С. 141.
5. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998. С. 94; Лар Л. А. Культурные памятники Ямала Хэбидя я. Тюмень, 2003. С. 67.
6. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. С. 188.
7. Лар Л. А. Культурные памятники Ямала Хэбидя я. Тюмень, 2003. С. 67.
8. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 439.
9. Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. С. 91, 94.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 303.
11. Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1995. С. 136-137.
12. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. С. 183.
13. Талигина Н. М. Цветовая триада хантов Нижнего Приобья // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1999. С. 95.
14. Грачева Г. Н. Культурный комплекс нганасан // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Т. XXXVII. С. 164.
15. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Труды института этнографии АН СССР. Л., 1952. Вып. XXIII. 1952. С. 104.
16. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 193, 271, 356.
17. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Т. XXXVII. С. 223.
18. Леви-Строс К. Мифологии. Сырое и приготовленное. М.; СПб., 1999. С. 61-62.
19. Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 5-6.
20. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 221.
21. Там же. С. 59, 217-221.
22. Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии, в Березовском уезде иноверческих народов — остяков и самоедов // Труды института этнографии АН СССР. Л., 1947. С. 27.
23. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.
24. Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 27, 28, 122.
25. Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1953. Т. XV. С. 167-168.
26. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 301-302.
27. Авдеев И. И. Песни народа манси. Омск, 1936. С. 69.

28. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999. С. 64.

29. Шмит Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. ... к. и. н. Л., 1989.

Федор Сергеевич КОРАНДЕЙ —
аспирант кафедры истории
древнего мира и средних веков

УДК 94 (417) «653»

СВЯТОЙ БРЕНДАН И ИДЕЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА*

АННОТАЦИЯ. В статье на примере широко распространенной латинской повести «*Navigatio Sancti Brendani*» рассматриваются особенности представлений ирландцев о паломничестве (период раннего средневековья).

The author scrutinizing the latin story «Navigatio Sancti Brendani» - a widespread medieval narrative considers the idea of pilgrimage, which had a specific importance for Irish medieval culture.

При декларируемой (и часто намеренной [1]) анонимности, агиографические произведения обнаруживают особенный интерес в плоскости автор - читатель. Агиограф зачастую намеренно сводит себя к среднему писателю-простецу (вспомните предваряющие многие жития уничижительные восклицания автора о его слабой учености), адресуясь при этом такому же среднему читателю (о парадоксах церковной литературы писал А. Я. Гуревич) [2]. Во всяком случае, попытки построения синтетических категорий «общей» средневековой культуры (правомерен ли в данном случае термин «массовая»?), столь притягательные для ученых недавнего прошлого, должны иметь своей основой произведения отнюдь не авторов из хрестоматии по средневековой философии [3].

Одним из самых замечательных примеров подобных произведений, чья авторская ориентация «на читателя» [4] подтверждается последующей неслыханной популярностью, является «*Navigatio Sancti Brendani abbatis*». Повесть эта, записанная в Ирландии предположительно в первой половине X в., далека от традиционной схемы житийной литературы, попадая, согласно классификации Делеза, в разряд *historical romances* [5]. Возникшая, несомненно, как отдельное произведение, «*Navigatio*», впрочем, органично влилась в состав поздних житий Брендана Клонфертского, ирландского святого VI в., и одновременно разошлась по всей Европе (Чарльз Селмер говорит о нескольких волнах распространения [6]) в первоначальном виде, в виде легенды о путешествии св. Брендана к Земле обетованной, «*Terra geromissionis*».

Историография вопроса при всей ее обширности [7] сводится, как отмечал Гай Венсен [8], говоря о начальном этапе исследований, к двум направлениям: 1) восстановлению исторической последовательности, датировке манускриптов; 2) выявлению основных источников повести и влияний на генезис повести. Скажем по этому поводу несколько слов.

Что касается следующих именно из указанных подходов традиционных исследований в русле социально-экономической истории, то, кажется, первым к проблеме обратился Карл Шредер [9], связавший начальный этап всеевропейского рассеяния «*Navigatio*» с деятельностью монашеских общин в области нижнего Рейна. Идеи эти

* Исследование проведено при поддержке гранта КЦФЕ Министерства образования и науки РФ (А03 -1.2-161).